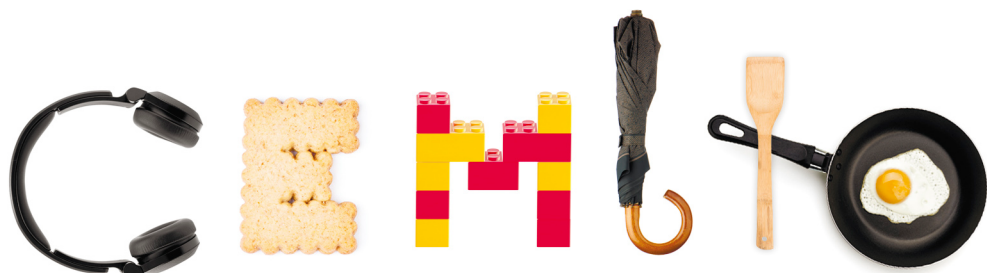


КАРА БРУКИНС



который

ПОСТРОИЛ



[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Оглавление

<i>Глава 1</i>	Дом	7
<i>Глава 2</i>	Плохие привычки	9
<i>Глава 3</i>	Камни и палки	19
<i>Глава 4</i>	Чему я научилась в первом классе	44
<i>Глава 5</i>	Честные люди	50
<i>Глава 6</i>	Кофе со сливками	65
<i>Глава 7</i>	План «Б» — для слабаков	72
<i>Глава 8</i>	Черный, белый и серый	96
<i>Глава 9</i>	Мастерская вместо мастеров	111
<i>Глава 10</i>	Карма умеет ждать	135
<i>Глава 11</i>	Легко сказать	148

<i>Глава 12</i>	Искусство войны	171
<i>Глава 13</i>	Немного левее	182
<i>Глава 14</i>	Верность тебя не спасет	202
<i>Глава 15</i>	Одно печенье за раз	210
<i>Глава 16</i>	У пожарных нет пистолетов	229
<i>Глава 17</i>	Чем больнее падать, тем выше взлетишь	236
<i>Глава 18</i>	Что я имею в виду	256
<i>Глава 19</i>	Сама себе водопроводчик	263
<i>Глава 20</i>	Вниз по течению	287
<i>Глава 21</i>	Склейте меня обратно	296
<i>Глава 22</i>	Прямо в цель	316
<i>Глава 23</i>	Ползком к финишной черте	330
<i>Глава 24</i>	Ты построила этот чертов дом	348
	Благодарности	356

Глава 1

Дом

Крепкий и надежный, наш дом твердо стоит на земле. Для нас — для меня и моих четверых детей — это чудо, столь же поразительное, как древний Колизей. Это наш дом в самом буквальном смысле слова. Мы построили его. Каждый гвоздь, каждый лист фанеры, каждая плашка паркета в нем прошли через наши руки. Мы передавали друг другу материалы, перекладывали их с места на место, устанавливали, отдирали и ставили заново. Нередко мы царапались о бетон и дерево или цеплялись волосами, и наши ДНК остались запечатанными в этих стенах. Иногда занозы и металлические стружки впились нам под кожу. Такие частицы дома навсегда застряли в моей ладони и глубоко ушли в левую голень. Дом связал нас всех вместе болезненным и тугим узлом, и мы стали единым, неделимым целым.

Идея построить дом родилась у меня не от скуки, это был единственный способ восстановить мою расколовшуюся семью, приходившую в себя после столкновения с психической болезнью и физическим насилием. Оставить позади тяготы прошлого оказалось сложнее, чем мы предполагали.

Я искала какую-нибудь общую цель, которая связала бы нас вместе, что-то осмысленное, большое и значимое. Нам негде было жить, и одним осенним вечером я представила себе, как мы работаем вместе, строя собственный дом, собирая маленькие детали и скрепляя их вместе, пока они не превратятся в нечто большее, чем мы сами. На следующий день я обсудила идею с тремя старшими детьми, и мы решили взяться за дело.

Я еще не знала, как монтировать двери и окна, как прокладывать в стенах трубы и провода, как рисовать чертежи и получать разрешения. Но я знала моих детей, и я знала, что нам это нужно.

Мы думали, что, если будем воспринимать строительство как возрождение нашей семьи, эта красивая метафора сделает легче и то, и другое. Мы верили, что мы на самом дне, а потому нам остается двигаться только вверх. Мы воображали, что будем чувствовать себя большими и сильными, справляясь с таким трудным делом.

Мы ошибались по всем пунктам.

Ничто не заставляет человека чувствовать себя слабее и беспомощнее, чем попытка справиться с задачей, сложность которой в тысячу раз превосходит его силы. Год, когда мы строили дом и восстанавливали семью после пережитого насилия, оказался самым тяжелым в нашей жизни. Мы понятия не имели, что такое дно, пока не достигли его в попытках добраться до вершины.

Но все же, доска за доской, мы закончили постройку. И когда мы это сделали, мы наконец обрели свой дом.

Глава 2

Плохие привычки

Мне было девятнадцать, и я уже полтора года как вышла замуж, когда родился мой первый ребенок, дочка Хоуп. Стоило мне взять ее на руки, и я поняла, что сделаю все, чтобы дать ей семью, в которой есть мама и папа. Мои собственные родители давно развелись, и я знала, как рухнет при этом мир ребенка. Неудивительно, что годы спустя, уже с тремя детьми-погодками, когда мой первый школьный возлюбленный бросил меня, стал военным и уехал покорять мир, я снова вышла замуж. Но вот когда я с трудом сбежала от Адама, заболевшего шизофренией, и вскоре вышла за Мэтта, люди изумились.

Для кого-то тройка — это счастливое число. Но для других, особенно твердолобых, три раза — это ровно столько, сколько им нужно повторить, чтобы они выучили урок.

Мэтт был моложе меня, но сказал, что готов стать отцом моим детям — троим на тот момент — и завести со мной еще детей. Он имел склонность к контролю и манипулированию и начал проявлять жестокость уже через несколько месяцев после свадьбы.

У него всегда находилась убедительная причина так себя вести, и она всегда была связана с тем, что я что-то делала неправильно. Но даже после того, как он начал крепко выпивать и экспериментировать с наркотиками, я считала, что ситуация наладится, что мы сможем быть счастливы и что золотая курочка не снесла для меня очередное тухлое яичко.

Каждый вечер я ложилась спать, ожидая, что проснусь и услышу его извинения, увижу счастливую семью и параллельный мир.

Но вместо этого меня будил звук его дыхания, неровный, хриплый, всего в пятнадцати сантиметрах от моего лица. Он втягивал каждый глоток воздуха сквозь зубы, а затем так же выталкивал его наружу. «Фи» шипел он на вдохе и «Фа» на выдохе. Сколько раз я слышала эти звуки? Слишком часто. Но мне было мало. И вот в очередной раз я лежала в постели, рука Мэтта все еще сжимала меня за горло, его перегар щипал глаза, и этот ритмичный звук разбудил меня незадолго до того, как я почувствовала, что его правая рука обхватила мою шею снизу, а левая сомкнулась сверху.

У этого будильника нет кнопки выключения. «Фи-фа. Фи-фа. Фи-фа».

Мое сердце отбивало дюжину ударов с каждым яростным вдохом. Мое собственное дыхание стало таким поверхностным, что я задумалась, не прекратила ли я дышать. Возможно, так было бы даже лучше. Он не пережимал мои дыхательные пути. Нет, нет. Он не пытался убить меня, бога ради. Я поняла это только на третий, а может, на четвертый раз. Да и зачем ему меня убивать. Он просто хотел дать мне понять, на что он способен. В любой момент, когда бы он ни захотел, он способен меня убить.

Капелька слюны вылетела у него изо рта и нежно, словно снежинка, приземлилась под моим левым глазом. Он сжал пальцы сильнее. Завтра снова придется надеть водолазку. Постирала ли

я коричневую? Его большие пальцы оставят два идеально симметричных синих овала на левой стороне моей шеи, развернутые, словно крошечные крылья бабочки. Толстые подушечки пальцев оставят следы на другой стороне шеи, и синяк образует длинную неровную линию, больше похожую на очень голодную гусеницу.

Ты узнаёшь, что такое настоящий ужас, не когда в тебя летит кулак во время спора и не когда тебя награждают подзатыльником за проступок. Такие вещи, по крайней мере, можно предвидеть. Настоящий ужас — это ложиться спать, думая, что все хорошо, вечером обычного дня, дня, когда вы смеялись за ужином, а потом смотрели вместе кино, — а потом проснуться от напоминания, что ты могла и не проснуться. Никогда, если он этого захочет.

Его нос и очертания челюсти казались незнакомыми в сумраке, словно его немецкое происхождение было записано чернилами, видимыми только при лунном свете.

Его рыжеватые светлые волосы, стриженные так коротко, словно он готовился к спецоперации, блестели от тонкого слоя пота. Если бы его руки в этот момент были свободны, то он бы провел тыльной стороной руки по голове и напряг бы сильные мускулы челюсти с тем выражением лица, которое когда-то заставило меня сказать: «Ого!» Его брови отбрасывали глубокую тень на глаза, словно он надел черную маску. Я пыталась представить, что его тонкие, рыжевато-желтые ресницы трепещут, что он подмигивает мне, намекая, что все это шутка. Просто розыгрыш. Левая сторона его рта приподнимется в притягательной кривой ухмылке, которая заставляла женщин хотеть его, а мужчин — хотеть быть им.

И словно он читал мои мысли, его рот и правда растянулся в полуулыбке, но в сочетании с напряженным взглядом темных глаз она казалась жестокой, а вовсе не шутливой.

Я замерла. И я надеялась. Я надеялась, что это будет одна из простых ночей, когда все, что ему нужно, — напомнить мне, как хрупка моя жизнь. Даже когда его пальцы сжались, и я поняла, что быстро он не успокоится, что ночь будет длинной, из тех, о которых он потом скажет, что ничего не помнит, даже тогда я на что-то надеялась. В основном на то, что не проснутся дети, мои прекрасные дети — ради них я и продолжала дышать в кольцо его рук.

Мои руки покалывало, мои нервы словно поджаривались на огне от того, как он давил на мою шею. Надежды умирали, и, признавая слабую разницу между надеждой и мечтой — примерно как между выигрышем в казино и в государственной лотерее, — я перешла к мечтам. Я мечтала о том, чтобы он стал таким, каким был всего несколько часов назад. Я мечтала, что смогу ему помочь избавиться от того, что его гнетет. Я мечтала перестать раз за разом проявлять слабость. А спустя три медленных вдоха и выдоха я позволила себе мечту, которую я прогоняла прежде: я мечтала о том, чтобы я могла схватить его за шею и сдавить ее... прямо... вот так.

Мое периферическое зрение начало отказывать, и я проигнорировала чудовищ, которые живут в этой тени, острозубых монстров реальности. Я никогда не смотрела в глаза тому, что на самом деле могло случиться. Его плечи дернулись: отпустить меня или окончательно придушить? На нем была его любимая нежно-голубая футболка, обтягивающая мягкая ткань подчеркивала сильные мышцы. Несколько часов назад я прижималась к ней щекой, запах его одеколona был мягким и приятным, Мэтт притянул меня к себе и обнял за талию. Я почувствовала себя любимой и защищенной. Я почувствовала себя дома.

Монстры реальности вылезли из своих темных щелей и заползли на кровать, шепча правдивые слова, и впервые я поняла, что хочу их выслушать.

Он подскочил и задрал руки над головой, словно вдруг испытал острое желание сделать зарядку. У меня заболел затылок, потому что он вырвал несколько прядей моих длинных кудрявых волос, зацепившихся за ремешок его часов. Некоторое время он нависал надо мной, словно тень Питера Пена, ведь разве могла быть человеком эта темная фигура с широкими плечами, раздавшимися во время игр в бейсбол в университете? Я перестала дышать, чтобы сохранить какую-то долю контроля над происходящим, и у меня так закружилась голова, что шум в ушах от прилившей к сосудам крови был громче его дыхания. Свежий воздух обжег мои легкие, и я неожиданно ощутила все мое остальное тело, которое до этого как будто исчезло.

Я мечтала о словах, объяснениях, обвинениях, о чем-то, что дало бы название происходящему, дало бы ответ на вопрос, почему обычный день превратился в кошмарную ночь. Конечно, водка сыграла свою роль, но дело было не только в ней. Многие люди выпивают понемногу и не хватают своих жен за тонкие шеи, лежа на смятых простынях цвета картона. Что-то было не так с его головой. Спустя столько лет я, наконец, это поняла. И с моей-то головой, судя по моей вере в его способность исправиться, что-то было не так. Но с ним дела обстояли куда хуже.

— Ну все, это последняя соломинка, — сказал он.

Его излюбленное выражение всегда наводило меня на мысли о ледяном лимонаде в высоком бокале с дольками настоящего лимона и старомодной бумажной соломинкой в красную и белую полоску со следами помады. «Ну все, это последняя соломинка». Его руки коснулись висков, пальцы сжались, словно они могли пригладить его короткие волосы, а затем сдавливали голову, пока она, наверное, не разболелась так же, как моя.

Я была так счастлива, что его проклятое «Фи-фа» закончилось, что порадовалась неизбежному возникновению соломинки. Хотя

мой мозг взывал к истине, я знала, что лучше не спрашивать: «Какая еще соломинка? Что конкретно не так?» Потому что он знал ответ не лучше меня. Никто не хочет признавать собственную безумную иррациональную ярость — особенно безумные, иррациональные люди. Я сжала губы. Прикусила язык. Хранила молчание. Я знала, что это лучше, чем извиняться, соглашаться или вообще как-то проявлять себя.

— Не смей рыдать, Кара. Не надо спектаклей. Не изображай жертву. Не. Смей. Рыдать.

Я не плакала годами, если не считать, конечно, навернувшуюся на глаза слезу при просмотре душевного фильма. Но тут я все-таки заплакала. Не потому, что я испугалась. Конечно, я была напугана, но не это заставило меня заплакать. Моя шея болела, но мне приходилось и хуже, и я редко плачу просто потому, что что-то болит. Я рожала детей без обезболивающего и делала это так тихо, что доктора пугались за меня. Нет, я оплакивала свою старую мантру, потому что она в конце концов подвела меня. «На самом-то деле он хороший. И я люблю его, — всегда повторяла я себе. — Я люблю его достаточно сильно, чтобы остаться с ним».

Но впервые я больше не любила его. Я не любила его достаточно сильно, чтобы с ним оставаться. Я не ненавидела его, хотя знала, что смогла бы, если бы мне повезло родиться пессимисткой. Вместо этого я не испытывала к нему ничего. Он превратился в большую, бесчувственную черную дыру в моей подкорке. Место, которое даже не болело, если ткнуть в него пальцем.

— Давай поговорим снаружи, — прошептала я, предполагая, что если дети не услышат его воплей, его угроз в этот раз, то они меньше пострадают, меньше будут бояться. А завтра подумают, что я надела водолазку не по необходимости.

Когда мы прошли через гостиную, я покосилась наверх, чтобы проверить, не смотрят ли дети на нас со второго этажа, но никого не увидела. Конечно, он еще не начал орать. Они не знали, что сегодня ночью нужно чего-то бояться. Да и с чего бы? Когда мы смотрели кино, Джада сидела на ковре, оплетая его пальцы ног и лодыжки пряжей, пока он не стал похож на живого ловца снов с перепончатыми ногами. Она заправила пряди своих длинных светлых волос за уши и рассмеялась лукавым смехом одиннадцатилетнего ребенка, который думает, что ему удалось кого-то безнаказанно одурачить. Джада была моей маленькой эльфийкой.

Мы ели вместе мороженое, угощая друг друга, пока капля мороженого не упала на его футболку. Тогда он переоделся в голубую, и я уютно устроилась у него под боком.

Но человек, который вышел вслед за мной, чтобы обсудить какую-то ерунду, был совершенно другим. Он заметил, что я высматриваю детей, и снова задышал сквозь зубы.

Стеклянная дверь с шумом закрылась позади него, и я рухнула в уличное кресло, прежде чем он придумал, что еще со мной сделать. Он стоял молча, неподвижно, как памятник, то ли планируя следующий ход, то ли вспоминая, как и я, что мы делаем на улице посреди ночи.

Запах южного воздуха всегда напоминал мне о школе в начале сентября. Я родом из Висконсина и так и не смогла полностью привыкнуть к еде, манерам и привычкам в окрестностях Литл-Рок, хотя я прожила в Арканзасе дольше, чем в любом другом штате.

Херши, мой коричневый лабрадор, выскочила через дверку для собак и стала ходить туда-сюда по крыльцу метрах в трех от нас. Было холодно, но я не обращала внимания на мурашки и представляла себе, как холодный воздух нагревается и шипит от жара в его голове.

Так проявляла себя моя внутренняя оптимистка, делая вид, что прохладный воздух исцеляет безумие. Некоторые люди считают, что оптимистами и пессимистами становятся, но я всегда знала, что все обстоит по-другому. Мы принадлежим к одной из этих партий от рождения и до самой смерти. Партию оптимистов по ошибке считают превосходящей, но нам следовало бы вымереть, как велит Дарвин, еще сотни лет назад. Сколько бы жизнь ни подсказывала нам, что дело идет к апокалипсису, мы находим причины задержаться, надеясь и мечтая, в то время как более приспособленный к выживанию пессимист принял бы мудрое решение бежать. Бежать, словно тебя черти гонят.

— На ноги свои посмотри, — сказал он, скривившись от отвращения.

Я подтянула колени к груди и потерла ноги руками, чтобы казалось, будто я их согреваю, но при этом не казалось, что я жалуюсь на холод. А потом я спрятала их под подолом моей короткой ночной рубашки. У его матери был женственный шестой размер ноги. Она могла примерять изящные туфли с витрины, пока я перерывала горы коробок в поисках восьмого размера, хотя на самом деле чувствовала себя удобно в девятом*. Мне не нужно было смотреть на свои ноги, чтобы знать, насколько они уродливы.

— Ведь ты знаешь, как я пашу. И никто этого не ценит. Знаешь ведь, да? — Он снова стиснул руками виски, убрал руки и опять надавил, в ритм своему дыханию — убрал на вдохе, надавил на выдохе. — Прекрати. Ты должна перестать меня злить!

* Американский шестой размер обуви — это российский тридцать пятый или тридцать шестой. Восьмой — это тридцать седьмой с половиной, а девятый соответствует российскому тридцать девятому. *Здесь и далее прим. перев.*

Он махнул рукой в сторону моей собаки, которая продолжала суетиться, поджимая хвост так, что он почти волочился по сухой осенней траве. Я представила себе, что за ней остается огненный след, и я никак не могла вспомнить, из какой это сказки. Или там была лиса? Тигр? Тигр с хвостом.

Но он говорил не о собаке. Она оставалась для него невидимой, чего и добивалась. Он говорил об идеях, которые пьянили его не хуже водки. Они были Большими. Всегда большими. Маленькие и средние идеи он оставлял другим людям. Людям вроде меня.

— Я понимаю, как тебе тяжело.

За тоской в его взгляде скрывалось бешенство. Я представляла себе беспокойные нейроны, вспыхивающие внутри его мозга, и почти понимала, почему он каждые несколько месяцев топил их в водке.

Я придерживалась стандартного сценария:

— Может быть, тебе поменять работу. Посвятить себя чему-то новому.

Я махнула рукой, как и он, в сторону пустынного поля и леса за ним, хотя оттуда на нас могли смотреть только комары, которых не пугали мечущиеся в темноте летучие мыши.

— Проклятье! — он запрокинул голову. — Че-е-е-рт! — он растянул слово, длинное, длинное, словно песня звездам. — Обычная работа не для меня. Мне она никогда не подходила. Такая работа для моего отца.

Он трижды ткнул мне в грудь пальцем и на несколько ударов сердца, прищурившись, сосредоточился на ней:

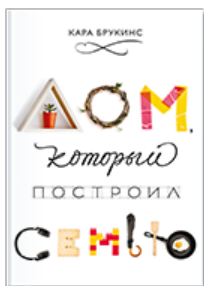
— Тебе нужно снова попробовать принимать эти таблетки. Может, тебя тошнило от чего-то другого. Ты видела жену Шона? Ее сиськи выросли как минимум на размер.

Он помассировал в воздухе воображаемые груди, словно подходящее удобрение поможет им вырасти, как паре здоровенных баклажанов.

— Я попробую еще раз, — ответила я, как будто не выкинула розовые таблетки, которые он заказал в Chest Success, чтобы усовершенствовать мою неудачную грудь. В упаковке оказался подарочный пузырек духов с феромонами, украшенный изображением женщины, которая не нуждалась в таблетках для груди и явно не носила платьев размером больше носового платка. Наверное, она родилась без волос на теле и, несомненно, покупала обувь шестого размера. — Может, нам поспать? Я завтра утром провожу совещание по программному обеспечению. Мне нужно быть в форме.

Я встала, улыбаясь, хотя он не улыбался, а затем обошла его и подошла к двери, держа руку за спиной, надеясь, мечтая, молясь, чтобы он взял меня за руку и прошел за мной в дом.

Он взял меня за руку и использовал ее как точку опоры, рычаг, чтобы швырнуть меня об стену. Крыльцо было обито сайдингом, а это лучше, чем кирпичные стены в остальном доме. Вот что я себе сказала, поворачиваясь боком, чтобы при следующем ударе врезаться в стену бедром. Это была привычка, которую я завела во время беременности. Каждый раз, когда тебя толкают в стену, защищай живот, защищай ребенка. Теперь я не носила ребенка, и синяки на животе получились бы куда меньше, чем на бедре, но от старых привычек сложно избавиться.



Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:



Проза:



Детские книги:

